

Комбинирование разновидностей языковой игры как дискурсивная особенность прозы в интернет-пространстве

Бартош Ю.В.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются особенности языка современной интернет-прозы, которая отличается от традиционной не только местом бытования, но и способом взаимодействия автора с читателем, жанровыми характеристиками, специфическим нарративом.

Цель данного исследования – выявить специфику языка сетевых прозаических художественных текстов, проанализировать случаи нестандартного использования языковых средств, при помощи которых создается современная интернет-проза.

Материал и методы. Фактическим материалом исследования послужили романы «Кошки-Мышки» и «Трое в джунглях, не считая блондинки» С. Нарватовой. В работе были использованы описательно-аналитический метод и приемы контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Анализ языковых средств, представляющих собой намеренные узусные девиации, показал, что в русскоязычной интернет-прозе наиболее представлены трансформации фразеологизмов, экспериментирование со словообразовательными моделями, различные виды лексической языковой игры, а также стилизация как способ «концентрированного» представления образа.

Заключение. Комбинирование разновидностей языковой игры может быть рассмотрено как дискурсивная особенность литературы в интернет-пространстве.

Ключевые слова: интернет-дискурс, жанры интернет-дискурса, бета-читатель, язык сетевой прозы, языковая игра.
(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 25–31)

Combining Language Game Varieties as a Discourse Feature of Prose in the Internet Space

Bartosh Ju.V.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University", Vitebsk

The article examines the features of the language of modern Internet prose, which differs from the traditional one not only by the place of existence, but also by the way the author interacts with the reader, genre characteristics, and a specific narrative.

The purpose of this study is to identify the specificity of the language of the Internet prose, to analyze cases of non-standard use of language means, with the help of which modern Internet prose is created.

Material and methods. The material for the study was the novels "Cats and Mice" and "Three Men in the Jungle (to Say Nothing of the Blonde)" by S. Narvatova. We used descriptive-analytical method and contextual analysis techniques in this research.

Findings and their discussion. The analysis of linguistic means which are intentional norm deviations showed that the transformations of phraseological units, experimentation with word-formation models, various types of lexical language play, as well as stylization as a way of "concentrated" image representation are most present in the Russian-language Internet prose.

Conclusion. The combination of language play varieties can be considered as a discourse feature of the Internet literature.

Key words: the Internet-discourse, genres of the Internet-discourse, Beta reader, language of the Internet prose, language games.

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 25–31)

Коммуникативное интернет-пространство породило особый тип взаимодействия, основанный на информационном обмене множества людей. Сетевая коммуникация предоставляет равные возможности доступа к циркулирующей и постоянно обновляющейся информации всем коммуникантам, зачастую нивелирует социальные статусы, характеризуется асинхронностью и различной степенью анонимности, а также возможностью взаимодействия «создателя» информации с сетевым пользователем.

Интернет является особой коммуникативной средой, которая подразумевает двустороннюю форму общения: автор не просто выгружает текст в сеть, но и ожидает отклика, в котором читатель выражает отношение к поступкам героев, пытается предугадать дальнейшее развитие сюжета, поддерживает автора в случае болезни, уточняет мнение самого автора по определенным вопросам, касающимся книги.

Материал и методы. В качестве фактического материала исследования нами были выбраны приключенческий роман «Трое в джунглях, не считая блондинки» [1] и любовный роман «Кошки-мышки» [2] Светланы Нарватовой. В процессе интерпретации полученных данных мы прибегли к описательно-аналитическому методу и приемам контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Поскольку интернет – это глобальное информационное пространство, предоставляющее доступ к огромному массиву информации в «ускоренном режиме» и объединяющее посредством технологии множество людей со всего мира, в нем создаются условия форсированной и перманентной обновляемости информации. Это приводит, с одной стороны, к возникновению новых «жанров персонального и интерперсонального интернет-дискурса» (персональный сайт, личный блог, социальная сеть, интернет-комментарий и др.) [3, с. 3], а со второй – к видоизменению, адаптации существующих жанров под условия нового коммуникативного пространства, что, в свою очередь, обуславливает отбор особых языковых средств.

Существует огромное количество специализированных сайтов («Литрес-Самиздат», «Литнет», «АвторТудей», «ПродаМан», «Литмаркет», «Самиздат» и др.), на которых любой автор может свободно размещать свои произведения, а читатели – влиять на ход повествования, сюжетные линии и т.д. комментариями к прочитанному. Словом, коммуникация и рецепция по сравнению с традиционной прозой видоизменены, дистанция между читателем и автором минимизирована (здесь и далее орфография и пунктуация приводятся по данным источников):

«Valentina Z: Интересно вас читать, и диалоги живые у героев, и шутки не прибитые.) только любовная линия в романе растворилась куда-то, как по мне.

Светлана Нарватова АВТОР: *Valentina Z, Это нетипичный любовный роман. Четыре главных мужских персонажа, из которых три являются фокальными*

и при этом не являются ГГ ЛР. А тот, кто нравится героине, фокализации не имеет. Именно поэтому любовная линия не очевидна. Она мелькает в деталях, постепенно наращаясь к концу. Не потому, что я не умею писать любовные романы (хотя стандартные сопли мне действительно не интересны), а потому что это помогает сохранить динамику и интригу. Когда роман будет закончен (а уже, слава богу, немного осталось, одна десятая текста по событиям), думаю, окончательно станет ясно, что роман именно про любовь. :)

Valentina Z: *Я читала ваши предыдущие романы, поэтому нет сомнений в вашем умении выписывать интересный любовный сюжет. Ок, ждем конца тогда.)*

Светлана Нарватова АВТОР: *Valentina Z, Знаете, ваш комментарий натолкнул меня на мысль, что я неправильно обозначила жанр этого романа. Это не СЛР, а анти-СЛР)))*

Valentina Z: *Или просто ромком можно было бы.)*

Светлана Нарватова АВТОР: *Valentina Z, Ромком – по жанру (кстати, впервые встретилась с этим словом), а анти-СЛР - по сути» [2].*

Приведенный выше диалог иллюстрирует один из двух важных аспектов взаимодействия автора и его читательской аудитории – минимализацию дистанции. Вторая особенность связана с тем, что подписчики работающих с «продами» (последовательно выкладываемыми новыми фрагментами литературного произведения, сокр. от «продолжение») авторов зачастую берут на себя роль бесплатного «бета-читателя» или же «бета-ридера» (от англ. Beta reader). Так называют пользователя, который читает недописанную книгу в процессе ее создания, при этом являясь вдохновителем и даже непрофессиональным редактором; бета-ридер в комментариях может указать на нестыковки, провисания сюжета, наличие опечаток и сделать другие конструктивные замечания:

«Анна Цыб: Боже, какое же я получила удовольствие от этой истории! Просто невероятное! Мне так нравится, когда нет абсолютного зла в лице конкретной личности, а есть сложные характеры и ситуации. Только меня в 19 главе смутил резкий переход от директорского совещания к ситуации в техотделе. Как будто пропущен как минимум абзац. Я даже прочитывала несколько раз, чтобы понять, что произошло.

Светлана Нарватова АВТОР: *Анна Цыб, Ого! Там целая страница текста пропущена, даже полторы, спасибо [2].*

Книги на «площадках самиздата» размещаются как бесплатно, так и с получением доступа после оплаты (в таком случае дается возможность прочесть ознакомительный фрагмент перед покупкой). Нередко книги размещаются без профессионального редактирования, что накладывает отпечаток на их качество, однако доступность контента находит отклик у массового читателя, что отражается в десятках и даже сотнях тысяч прочтений. Ввиду огромной аудитории такого рода

площадок последние становятся востребованными и у профессиональных авторов. Как точно отметила В.А. Маслова, «приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им “чужих” текстов. Будучи ничтожно малым элементом мира, текст (книга) вбирает в себя мир, становится всем миром, замещает собой весь мир для читающего» [4, с. 35]. Поэтому нам видится крайне важным проанализировать, какого рода тексты становятся фокусом внимания для массового читателя. Литературные платформы представляют собой не способ, а место размещения произведений, этим объясняется дублирование произведений, к примеру, на сайте «Самиздат» и «Литнет», возможна последующая публикация в «бумажном» формате.

Представленность жанров в данном сегменте интернет-пространства коррелирует с расчетом целевой аудитории. К примеру, наиболее распространенные «женские» жанры нередко принадлежат к категории *young adult* и включают в себя СЛР, фэнтези, классические «love story», истории о «попаданцах» и др., в то время как киберпанк, стимпанк и под. нацелены на мужскую аудиторию, а антиутопия и альтернативная история универсальны.

При всех возможностях интернета несомненно и то, что названный канал коммуникации оказывает влияние на форму презентации языковой личности: «Отсутствие эмоционального контакта приводит к необходимости передать свое эмоциональное состояние вербально, а также при помощи символов, картинок» [5, с. 22]. Современной интернет-прозе в силу жанровых особенностей и возможностей самиздат-площадок присущи не все конституирующие признаки интернет-дискурса: к примеру, нет возможности выделить текст цветом или дать гиперссылку, однако есть возможность добавить книгу в озвучку, указать в начале главы необходимую для прослушивания при одновременном прочтении текста композицию, вставить картинку-иллюстрацию/визуализацию героев или встроить в повествование диалог в мессенджере с использованием особых символьных средств – эмограмм, таких как смайлы и другие графические знаки.

Язык интернет-произведений достаточно специфичен, тяготеет к смешению литературного и разговорного языка со сленговыми вкраплениями. Рассматривая точку зрения, что язык интернета представляет собой «письменную форму разговорной речи», Д. Кристалл обращает внимание, что крайне важно учитывать, «кто является носителем этой речи» [6, с. 25], потому как степень влияния речи компьютерщиков снижается в связи с обилием различных социальных слоев людей, постигающих азы пользования компьютера и интернета: «Но что произойдет с интернет-языком (*Netspeak*) по мере расширения базы пользователей и появления в Сети людей с более широким диапазоном языковых предпочтений?» [6, с. 25]. Поэтому, на наш взгляд, необходимо отслеживать языковые тенденции в интернете.

Особенности языковой организации интернет-дискурса, такие как использование графических воз-

можностей (шрифт, дизайн страницы, использование интервалов, иллюстраций, эмограмм и др.), орфографические (регистр, способ выделения ударения, принятые сокращения), грамматические (задействование возможностей синтаксиса и морфологии), лексические (специфический словарный запас), особенности дискурса (особая структурная организация текста), а также фонетические особенности (возможность прикрепить аудиодорожку, выслать аудиосообщение) несмотря на интерактивность и нивелирование расстояния и социального положения не возмещают в полной мере мимики, жестов и оттенков интонации реального, а не виртуального общения. При этом компенсация отсутствия невербальных средств общения происходит и посредством многократного (и нередко градационного) использования стилистически маркированных элементов.

Одной из характерных черт интернет-прозы является комбинирование различных разновидностей языковой игры, что рассматривается нами как дискурсивная особенность современной интернет-прозы. Под языковой игрой мы понимаем «определенный тип речевого поведения, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т.е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект» [7, с. 657]. Языковая игра имеет свои особенности в разных типах дискурса. К примеру, в рекламе языковая игра представлена преимущественно легко декодируемыми разновидностями и лаконичными способами выражения. В прозаическом тексте используются иные алгоритмы, состоящие из нескольких слоев-срезов. Рассмотрим данную особенность языка интернет-прозы на примере двух книг Светланы Нарватовой: «Кошки-мышки» [2] и «Трое в джунглях, не считая блондинки» [1].

Следует отметить, что преднамеренные отступления от норм в указанных произведениях были обнаружены на различных уровнях языка и в различных подсистемах. Однако их соотношение в пределах конкретного произведения отличалось: в романе «Кошки-мышки», стилизованном под сказку, случаев языковой игры было отмечено больше, чем в «Трое в джунглях, не считая блондинки». Более того, в опубликованных данным автором книгах жанра фэнтези языковая игра представлена иными моделями, что позволяет сделать вывод о жанровой и категориальной взаимосвязи в использовании различных моделей языковой игры.

Наиболее частотными моделями образования языковой игры, используемыми С. Нарватовой в анализируемых романах, являются различного рода трансформации фразеологизмов, синтаксически неделимых и устойчивых сочетаний:

1) расширение контекста фразеологизма или устойчивого сочетания, поговорки, пословицы: «с кучей блондинистых скелетов в своем французском шкафу» [1];

2) сопоставление фразеологизмов с общим словом-компонентом «*И жаль тех бедолаг, которых судьба поставит на его пути. Мне у него на пути стоять точно не улыбалось*»;

3) контаминирование фразеологизмов: «*замбухгалтера “плавала” в приложении топориком*», «*потратила рабочее время на синхронное с Ваню погружение в IC-ку и наблюдение за жизнью IT-отдела*», «*Юбка тебе к лицу. В смысле, к ногам. Тьфу, идет, короче*» и др. [2];

4) дефразеологизация единицы и одновременное сопоставление свободного сочетания с ней: «*между строк сквозило, что работы – конь не валялся, поскольку коня-то и не было*», «*Бывают и просто тихие омуты, безо всяких чертей*», «*Хорошо, мир не без добрых людей, которые не жалеют крепкого пинка ближнему*», «*Во-вторых, у тебя их целый воз, а у меня – маленькая тележка*» [2];

5) замена компонента фразеологизма: «*пробирающий до печенок добрый взгляд*», «*в изобразительном искусстве остальным до меня было, как до Колумбии пешком*», «*какого маньяка они на груди пригрели*», «*дарёному торту в зубы не смотрят*», «*халаявному коню в плейлист не смотрят*» (о подводе в машине под тяжелый рок), «*носился по городу, как белка с подпаленным хвостом*», «*летала вольным воробьем над лесами и полями*» и др. [1];

6) сложная трансформация, которая включает несколько вышеуказанных вариантов: «*Из образа гламурной блондинки я немного вышла. Километра на два*», «*Ты летел себе по другому борту, вот и лети дальше... как фанера над Парижем*» [1], «*– Наши Мишэл везде поспел, – ухмыльнулся Дед Мороз. – Вы с ним поосторожней, барышня. Вы – девушка юная, он бы-валый сердцеед. По нему здесь каждая вторая сохнет, а каждая первая – страдает*», «*Ген-директор помог Морозову выбраться из весьма щекотливой ситуации, вырвал из гостеприимных лап тюрьмы практически, за что Александр теперь служил верой и правдой*», «*Девушка решила, что синица в руках надежнее крокодила в небе, и поспешила найти новую работу, пока замужество не накрылось медным тазом*», «*– Молодец, хорошо держалась, – однокурсник похлопал ее по плечу. – Я еле держалась, – призналась Кира. – А на вид не скажешь*», «*Если бы Новикова сейчас стояла, то она бы села. А так как она сидела, у нее только челюсть отпала*», «*Всё, что не делается, не дается к лучшему*» [2]. Представленные примеры показывают, что С. Нарватова использует как легкие для декодирования случаи языковой игры, так и требующие у читателя необходимые фоновые знания. К примеру, для того, чтобы заметить двухкомпонентную трансформацию в последнем приведенном случае, читатель должен распознать отступление от правил написания *не/ни*, чтобы проследить изменение смысла высказывания на противоположное ожидаемому.

Забегая вперед, скажем, что в рамках данного исследования нами была выделена и комплексная

трансформация, подразумевающая комбинирование нескольких разноуровневых моделей языковой игры в пределах одного сложного синтаксического целого, при которой стилистический или эмфатический эффект продлевается за счет постепенного нарастания количества модифицированных знаков: «*За дверью стояла сияющая гостеприимной улыбкой юная, слегка беременная горничная. Хоть кто-то здесь рад гостям. Девушка сказала, что «сеньор предупредил, что в номере гостя», но у нее заканчивается смена, и она надеется, что «сеньорита войдет в ее положение*». Свят-свят-свят! *В ее положение входит ближайшине пару лет я не собиралась*» [2]. На этом фоне нами был выделен еще один условный подтип манипуляций с фразеологическими единицами:

7) создание своих структур, воспринимаемых как устойчивые сочетания: «*Господин Алексеев за такие шуточки не то что шпандырем отчешет – к радуге приобщит*», «*В конце концов, отомстить киллеру – дело чести для каждого трупа*», «*Бутерброды – враг желудка. И друг лишнего веса*» [2].

Фразеологизмы и другие устойчивые выражения, такие как поговорки, пословицы, афоризмы и крылатые слова, зачастую применяются в «нетрансформированном» виде в качестве средств экспрессии, поскольку, в отличие от «нейтральных» слов, это единицы, изначально обладающие большей выразительностью. Видоизменение же изначально стилистически и экспрессивно маркированных образований кратно увеличивает упомянутый эффект, что дает основание говорить об использовании языковой игры на фразеологическом уровне как об осознанной авторской стратегии, доходящей в некоторых случаях до «фразеологической градации»: «*Хитрый замысел был шит напоказ белыми нитками и крупными стежками. При этом техдиректор сохранял покерфейс, чем вызывал невольное уважение. Девочка тоже держала лицо*» [2]. Аналогичный эффект наблюдаем в следующем отрывке: «*Колчевский не пожалел усилий, чтобы сначала прочистить студенту-дизайнеру организм, а потом – мозги. Причем сначала Гена их вынес, потом промыл, а потом поставил на место*» [2].

Тем не менее, осознанные отступления от норм в рассматриваемых произведениях интернет-прозы фразеологическим уровнем не ограничиваются. Второй по частотности употребления механизм отклонения от нормы, который мы отметили в романах С. Нарватовой, – создание собственных словообразовательных моделей с конкретной целью:

1) выполняющих функцию эвфемизма: «*он мне нижеспинье прикроет*», «*всем на него дефекасть*» [1], «*пристраиваясь своим нижепоясничьем*», «*Под виндою сдохла программа... Приключился виндец*», «*вот же... альтернативноориентированный член общества*», «*рассказывать малознакомым мужикам про то, что не слазишь с горшка, как-то не комильфо. Даже “комиль-фе”*», «*водителя-подрезателя*», «*после совещания директоры вышли взмыленные,*

как и положено рысакам, которых отгалопировал уверенный наездник», «Так вы ему, милостивый государь, передайте, что мы и сами баять умеем. Так наибаять можем – уши не разогнет» [2];

2) для стилизации под заимствованные слова: «отправился обкатывать обновки на шаилыкинз с пивингом на горное озерко», «Всё, а теперь арбайтен. Точнее, сначала отдыхайтен, потом арбайтен. Отсюда и до заката» [2];

3) представляющих собой синкретичное объединение двух слов в одном: «девиц из серпентерии – этой помеси серпентария и бухгалтерии», «из описания Кира поняла, что это некий гибрид ведра и эквалайзера... воображение взяло реванш за предыдущий провал с ведролайзером» [2];

4) эмфатический и иронический эффект: «девчонке взбледнулось», «Константин Сергеевич поднялся ему навстречу и сердечно рукопожался», «Влад повернул налево и упылил на второй космической» [2];

5) вызванных необходимостью емко выразить мысль, минуя описательные обороты: «Мишель оторвал расфокусированный взгляд от фантика, из которого что-то оригамил», «Умный не спорит с сильным, – в очередной раз проконфуцитировал он», «за что именно Дягиль ее вдруг заценил и обуважал», «я понимаю святых отцов Средневековой Европы, которые всех красивых девок там заинквизировали напрочь» [2], «футболист отфейспалмил» [1];

6) для передачи смысловых нюансов: «Киса так сладко умурлыкивала ее поспать еще», «Де, под Нижним лошадь подкову потеряла. А сменить никак – в подковомонтажах только комплектами продают. Зимними», «Технический директор, как подбалконный испанец, плавит сердца игрой на гитаре», «Назованием "помощник директора" нынче импортзамещали должность офис-менеджера, которая раньше политкорректно заменила секретутку-машинистку», «Их встречали директора в полном буу'екомплекте» [2], «сегодня уже так помогли, что она не знает, как теперь себе распомочь» [1].

Словесное экспериментирование в представленных примерах является художественной номинацией и реализовано при помощи как продуктивных, так и непродуктивных моделей, что обусловлено различными целями речетворчества.

Неузуальное формообразование, напротив, не характерно для языка романов «Трое в джунглях, не считая блондинки» и «Кошки-мышки»: нами отмечены эпизодичные случаи («Кто сказал им, что если на слайд выложить страницу текста, он станет читаемее?», «И эта вера творила с ними чудеса, которые становились всё чудесатее и чудесатее», «Эта самая коза выставила вперед свои кривенькие рожики и, копытя асфальт, рвалась в бой», «Так ли голУб голубь, как думают некоторые?» [2]). Помимо «неправильного» формообразования морфологические отклонения представлены субстантивацией междометий («Он поздоровался общим «всем приветом», «Спасибом сыт

не будешь», «Но надо же как-то соизмерять размеры “Спасибы”...», «У нас кроме “спасибо” могут еще “большим спасибом” наградить» [2] и др.) и единичными случаями иных моделей: «Когда прошло пятнадцать театральных, Ген-директор, который, как вы помните, не выносил опозданий, позвонил Владу», «Кружкой кофе спустя в кабинет стали подтягиваться парни» [2] и др.

Третье место среди деструкций речевой нормы, отмеченных нами в романах С. Нарватовой, занимает языковая игра, охватывающая различные виды деформаций семантики слов: каламбур, малапропизм, метафорические и метонимические переносы и др. Каламбур представлен моделями сталкивания 1) двух значений одной полисемантической единицы, которые отделились друг от друга в современном языке («Отавиу колот орехи. После того, что он отколол днем, занятие было вполне безобидное», «мы наткнулись на ровную площадку и встали на привал. Я бы с удовольствием к чему-нибудь привалился, но, увы...», «Гермиона виновато мурлыкала, намекая, что кисе в положении положено», «Ген-директор предпочитал женщин. Зрелых женщин, полноценных (с упором на “полно” в нужных местах)); 2) омонимов, в т.ч. ситуативных («Кира выскочила из кабинета молча и потрусил (во всех смыслах этого слова) в приемную», «...Жертва Богу – это сокрушенный дух; сердце, которое сокрушено и смирено, Бог не будет презирать... Ой, как мы сейчас сокрушимся!» (потерпим крушение); 3) паронимазов («– Отец Апони и жрец, – пояснила я. – Мало он как-то жрал, – хрюкнул Отавиу своей шутке)); 4) ситуативных антонимов: «– Костя – Большой Шеф, – пояснил Ваню. – А Денис Борисыч – непосредственный начальник. – Ну, Костю посредственным-то тоже сложно назвать», «Ходят слухи, что начальство не опаздывает, начальство задерживается. Это народное выражение идеально описывало Геннадия Колчевского. Он никогда не опаздывал на работу. И зачастую задерживался там допоздна» [2]. Последний пример отличается от предыдущих направленностью возникающей ассоциации. Если же в примере с «сокрушенным духом» акцент делается на двусмысленности второго слова, объединяющем в себе и значение «предаваться скорби», и «потерпеть крушение, разбиться», то в случае с глаголом «задерживаться» направление двусмысленности обратное, характеризующееся обманутым ожиданием. Благодаря встроенной шутке об опаздывающем начальстве глагол «задерживается» воспринимается как «остается где-то дольше» перед работой, таким образом, не приходит на работу вовремя и «недорабатывает». Однако второй глагол «задерживался» уточнен обстоятельствами «там допоздна», что меняет значение на «оставался дольше на работе, приходя при этом вовремя», т.е. «перерабатывал».

Нами также отмечены случаи создания сложных каламбуров, в которых обыгрывается несколько двусмысленных слов в пределах сложного синтаксического

целого: «Технического директора на месте по-прежнему не было. Денис Борисович на вопрос, где он появился, ответил, что КиберКот не из тех, кто теряется. Он обязательно найдется» [2].

Перифраз как разновидность не прямой номинации также имеет особенности: помимо замены слова иноказательным выражением такие единицы примечательны и добавочными оттенками кодирования: «Добравшись до квартиры, первым делом, после техобслуживания кошки, Кира поставила будильник», «Или побоялся волшебников с полосатыми палочками» (гаишников), «Ген-директор уважал и одобрял жабу Дядиля, которая не хотела расставаться с лишней копеечкой» [2]. Так, словосочетание «техобслуживание кошки», употребленное в отношении животного, а не транспортного средства, представляет собой малапропизм («юмористически обусловленное неправильное применение слова/фразы; ошибочное намеренное использование слова в контексте, которое звучит абсурдно/нелепо» [8]), что приводит к стилистической маркированности по сравнению с потенциальным «после того как я покормила кошку» и вызывает у читателя чувство радости и творческой сопричастности после осознания задумки автора. «Жаба», заменившая «жадность» в последнем примере, представляет собой отсылку к выражению «жаба давит», что также является двухуровневым случаем языковой игры. Совмещение малапропизма с эвфимизмом можно проиллюстрировать следующим примером: «– Я всегда знал, что ты латентный линуксод, – обиженно заявил Дима, но решив, что этого оскорбления недостаточно, добавил: – Латентный линуксод с гипертрофированной жабой!» [2]. Наделение пользователя операционной системы «Линукс» эпитетом «латентный» создает отсылку к известному термину из психоанализа и становится завуалированным оскорблением, усиленным «гипертрофированной жабой»; далее в диалоге упоминается «гипертрофированный хомячок» оппонента, который, в свою очередь, является мостиком к следующей разновидности языковой игры. Плотность случаев использования намеренных отступлений от норм «на квадратный сантиметр текста» позволяет нам говорить о комплексной языковой игре как о дискурсивной особенности языка современной интернет-прозы. Под такого рода игрой мы понимаем множественное задействование механизмов нарушения языковых норм на разных уровнях языка в пределах одного сверхфразового единства, ср. в данном отрывке: «Хуже дело обстояло с конструкцией предложений. В русском очень любят развесисто-сложно-подчиненные выражения, осложненные оборотами разной степени причастности. А в деловом английском – всё наоборот. Попробуй эту трехэтажную красоту уложить в прокрустово ложе английской грамматики. Шестеренки в Кирином мозгу начали перестраиваться, запуская режим неродного языка. В этом “перестроечном” режиме она и вошла в отдел» [2].

Синтаксис интернет-прозы также имеет специфические особенности. Наблюдается тенденция использовать простые, нежели сложные и усложненные сложные предложения, также авторы тяготеют к парцелляции: «По завершении терапевтического сеанса я испытала облегчение. Кошелек», «Чего такого? – возмутилась она. ... Слишком бурно возмутилась. И непохоже на уравновешенную обычно себя», «Эндрю вцепился в меня взглядом, как американский бультерьер – в кость. Берцовую. Вору» [1], «Этот язык был ей не по зубам. И не по рукам. И вообще никуда не клеился, если честно» [2] и др.

Нарушение семантического согласования в цепочке однородных членов предложения – зевгма – актуализирует несколько значений предиката: «Говорят, настоящая женщина способна из ничего сделать прическу, салат и истерику», «подключился к этому саботажу исключительно, чтобы расширить мои нервы и статус лидера» [1]; соединяет в ряд однородных членов разные семантические места предиката «Нынче она была без короны, но в свеженьком, с иглочки, пафосе», «Велосипед никак не совмещался с узкой юбкой, лодочками на каблучке и лужами на асфальте» [2] и т.д. Другой вариант зевгмы – пропуск сказуемого, восстанавливаемого по аналогии из контекста, – также является механизмом языковой игры в интернет-прозе: «Он привез оттуда новую монографию, она – меня» [1].

Сочетание парцелляции и зевгмы нами рассматривается как сложная синтаксическая языковая игра: «У нас есть два ножа, одно охотничье ружье, котелок, зажигалка, вода, компас и даже карта. Три мужика с грубой силой, и я – со светлой головой» [1].

Отдельно следует сказать об аллюзиях к художественным произведениям, фильмам, песням и т.д. Мы трактуем их как скрытый способ передачи закодированной информации в тексте. Часть аллюзий находится в зоне литературного комфорта сетевого пользователя: «Я прекрасно отдавала себе отчет в том, на что рассчитывает британец. В конце концов, он спас мне жизнь. И честь. И здоровье. А еще он умен, красив, благороден во всех смыслах. Разве можно устоять против такого него? Я шла и думала: устоять или не устоять?» [1]. Перенос мрачных размышлений Гамлета («Быть или не быть?») на прозаическое «Устоять или не устоять?», используемое дважды с интервалом в несколько предложений, намекает на изменение масштаба внутренних терзаний современного типичного человека. Аллюзии также могут быть сложными: «В общем, спор ли, Мышка ли, но всё смешалось в доме, который построил Ген под «Своей крышей». Так, в данном примере начало фразы напоминает русскую народную сказку, далее фраза из «Анны Карениной» наслаивается на кумулятивное стихотворение-сказку «Дом, который построил Джек».

Порой аллюзивная языковая игра требует для расшифровки определенной культурной и литературной

роведческой компетенции: к примеру, роман «Кошки-мышки» содержит в себе включения из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова, не обозначенные кавычками. Включения могут быть абсолютными копиями («– *Правду говорить легко и приятно, – процитировал классика коммерческий директор*», «*С губ его стерлась улыбка. Глаза стали пустые и черные, а лицо белое и холодное*»), частично видоизмененными («*Цепная реакция оторвала у ретривера пушистый хвост, содрала с него шерсть и расшвыряла ее клочья по болотам*», «*Влад расправил плечи. Он свои счета оплатил и закрыл*»), а также значительно перефразированными фрагментами («*Демона-пажа, подставлявшего когда-то лицо лунному свету*», «*Кира, это была неудачная шутка с нашей стороны*» (ср. «*Рыцарь этот когда-то неудачно пошутил*»), «*говорил он, глядя в окно на луну и улыбаясь ей, как старой знакомой*» и др.) [2]. Между героями обоих произведений также можно провести параллели, о чем автор рассказывает в комментариях. Для привлечения внимания к аллюзиям (а также для проверки степени читаемости такого рода отсылок) С. Нарватова воспользовалась приемом литературного квеста.

Следует отметить, что прозвища персонажей также содержат игру слов: «*Ген-директор, он же Крокодил Гена, он же Че Котилло*», «*коммерческий директор, он же КотоФей*», «*технический директор, он же КиберКот*» и др. [2], а вкуче с названием «*Кошки-мышки*» и производными от прозвищ прилагательных («*с-котское пари*», «*тетра-котовый стол*» и др.) эта игра приобретает комплексный характер.

Особое место занимает стилизация как вид языковой игры, понимаемая не как пародирование, а как «речевая маска». С. Нарватова использует стилизацию при жанровых вставках, называемых также «текст в тексте»: начало остросюжетного мистического триллера «*Последний день эникейщика*», деловое письмо «*Альте*» в формате писем 19-го века и др.

Заключение. Интернет как коммуникативное пространство с колоссальными возможностями породил бум «прозаиндустрии», что отражается на состоянии языка, с одной стороны, и на распространении массового читателя, с другой. Такого рода литература может быть рассмотрена как пространство языковой игры, реализуемой изолированными моделями либо их сочетаниями. Нами были выделены градиация отдельно взятого приема, нескольких приемов на одном уровне или нескольких приемов на разных уровнях языковых отступлений от норм.

Литература

1. Нарватова, С. Трое в джунглях, не считая блондинки [Электронный ресурс] / С. Нарватова // Литнет. – Режим доступа: <https://litnet.com/ru/book/troe-v-dzhunglyah-neschitaya-blondinki-b251976>. – Дата доступа: 11.10.2023.
2. Нарватова, С. Кошки-мышки [Электронный ресурс] / С. Нарватова // Литнет. – Режим доступа: <https://litnet.com/ru/book/koshki-myshki-b87966>. – Дата доступа: 11.10.2023.
3. Сидорова, И.Г. / Коммуникативно-прагматические характеристики жанров персонального интернет-дискурса: сайт, блог, социальная сеть, комментарий: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / И.Г. Сидорова; Волг. гос. ун-т. – Волгоград, 2014. – 23 с.
4. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
5. Нелюбина, Е.А. Языковые особенности Интернет-дискурса [Электронный ресурс] / Е.А. Нелюбина // Балт. гуманитар. журн. – 2014. – № 4. – С. 22–23. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-osobennosti-internet-diskursa/viewer>. – Дата доступа: 11.10.2023.
6. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 273 p.
7. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л.М. Алексеева [и др.]; под ред. М.Н. Кожинной. – 2-е изд., стер. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 694 с.
8. Webster's third new international dictionary: in 3 vol. / ed. Ph. B. Gove. – Chicago: Encycl. Britannica, 1993. – Vol. 2. – 1737 p.

Поступила в редакцию 13.11.2023